

Что бывало

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА

ИЛЛЮСТРАЦИИ АНДРЕЯ ТРОНЯ

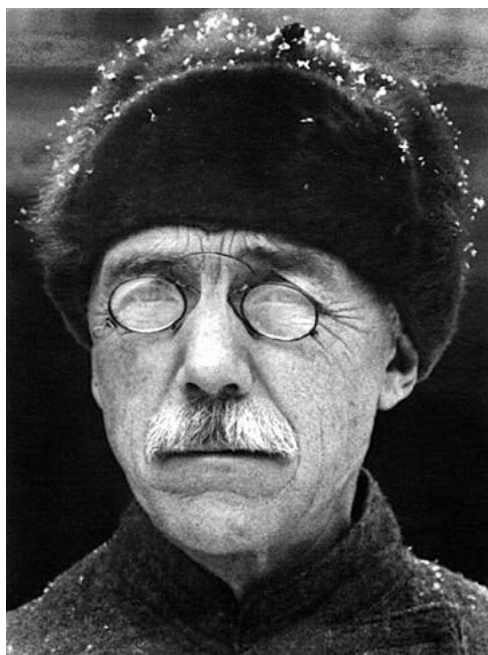
«Борис Житков? Да, помню, был такой детский писатель», — скажет, услышав это имя, практически любой взрослый человек. Он сам читал его увлекательные книги в детстве, читал и позже, своим детям, внукам. Эти книги до сих пор любимы и часто переиздаются. А вот то, что Борис Житков был умелым моряком, знают не все.

Рассказывая о Борисе Житкове (1882–1938), можно вспомнить, что, родившись в Новгороде, все свое школьное детство, юность и начало взрослой жизни он провел в Одессе. Житков вырос в интеллигентной семье: мать была пианисткой, а отец, человек уважаемый, образованный и очень демократичный, — учителем математики. Когда семья переехала в Одессу, он стал счетоводом в порту.

Борис посещал французскую школу и с ранних лет хорошо говорил по-французски. Кстати, за свою жизнь он освоил множество других языков. После школы закончил гимназию. Интересно, что учился он неважно, был поглощен собственными увлечениями: морем, скрипкой, физикой, химией и астрономией. Времени на уроки совсем не оставалось. Его товарищем по гимназии был Коля Корнейчуков — Корней Чуковский. Вот что писал он о своем друге в воспоминаниях: «С Борисом Житковым я познакомился в детстве, то есть еще в девятнадцатом веке. Мы были одноклассники, учились в одном классе одной и той же Одесской второй прогимназии, но он долго не обращал на меня никакого внимания, и это причиняло мне боль».

Я принадлежал к той ватаге мальчишек, которая бурлила на задних скамейках и называлась «Камчаткой». Он же си-

дел далеко впереди, молчаливый, очень прямой, неподвижный, словно стеной отгороженный от всех остальных. Нам он казался надменным. Но мне нравилось в нем всё, даже эта надменность. Мне нравилось, что он живет в порту, над самым морем, среди кораблей и матросов; что все его дяди — все до одного — адмиралы; что у него есть собственная лодка, кажется, даже под парусом, и не только лод-

ка, но и телескоп на трех ножках, и скрипка, и чугунные шары для гимнастики, и дрессированный пес».

Одесса сформировала Житкова. Причерноморье всегда обладало особой энергетикой и являлось окраиной другого, греко-римского мира. А Одесса начала XX в. — процветающий европейский портовый город, через который шел непрерывный поток грузов и товаров. Разноязычный говор, море, чудесная природа, изобильная земля дарили ощущение легкого дыхания, витальности и свободы. Здесь коммерческое переплеталось с новаторским, поощрялось развитие науки, в великом почете была культура. Сколько известных людей вышли из Одессы — не перечесть!

Семья Житкова жила прямо у моря. Одесса с ее непрекращающимся движением гипнотизировала его. «Мир был до войны чрезвычайно велик и доступен. Одесса — была

уже в путешествии», — Юрий Олеша точно обозначил, сколь много мог дать человеку этот живой город. С детства Житков был своим среди простого люда: моряков, рыбаков, мастеровых. Он легко овладел многими морскими ремеслами. В юности выигрывал парусные гонки, сконструировал яхту «Секрет» и получил патент штурмана. В море, писал Чуковский, Житков сразу становился весел и шутлив. По окончании гимназии он стал студентом естественного факультета Новороссийского университета (так называли знаменитый Одесский университет), а летом, в каникулы, устраивался работать на «дубки» — небольшие грузовые парусные суда. На них он ходил по Черному морю к дальним берегам: в Турцию, Болгарию. Плавал и по Средиземному морю, и по Красному. Не удивительно, что, окончив университет в 1906 г., Борис Житков выбрал профессию моряка.

В 1909 г. Житков вместе с ярославскими плотниками-переселенцами собрал суденышко «Омуль» и отправился в экспедицию по Енисею в качестве капитана и ихтиолога.

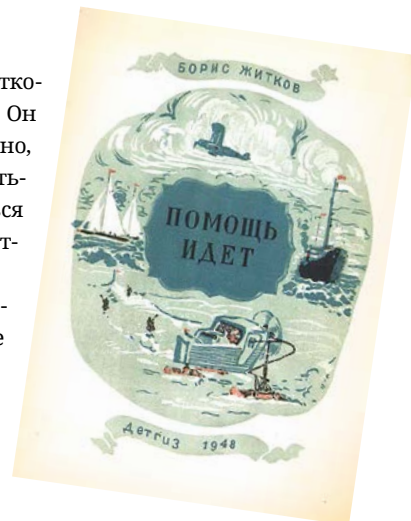
Судостроение манило его с юных лет. В 1911 г. он поступил на кораблестроительное отделение Петербургского политехнического института. Студенческую практику проходил в Копенгагене, на механическом заводе, где получил профессию рабочего-металлиста.

Осваивать новое Житкову всегда нравилось. Он говорил: «Невозможно, чтоб было трудно учиться: надо, чтоб учиться было радостно, трепетно и победно».

В 1912 г. Борис Степанович в качестве штурмана отправился на Дальний Восток. В те времена плавания от одного края империи к другому назывались кругосветными. В дальних странах во время стоянок он всегда рвался на берег. Еще бы, там было столько всего любопытного для человека наблюдательного! С детства он вел дневники, и это тот единственный росток писательства, который прослеживается в судьбе умного, смелого человека. Инженера. Чистого, казалось бы, технаря. И еще — дерзкая, неостановимая тяга к далеким горизонтам. Был он, как вспоминают, завораживающим рассказчиком, тем более что с детства дружил с простыми людьми и знал цену меткому слову. В студенческие годы Житков успел поработать еще и морским инспектором в Архангельске: осматривал суда перед плаванием, выходил на ледоколе в море. Разные страны, обычаи, люди, животные — все было интересно и дарило яркие впечатления.

В Первую мировую войну Житков служил на флоте. В 1916 г. из гардемарин был произведен в прапорщики, а в 1917 г. — в подпоручики. Его направили в Англию принимать авиационные моторы и различные устройства для подводных лодок. Он жил там восемь месяцев, выучился английскому и даже успел объездить страну на мотоцикле. Институт закончил незадолго до Февральской революции.

Писателем Борис Степанович стал, можно сказать, случайно. Революции сопутствовала разруха, работы не было. В 1924 г. 42-летний Житков, переехавший к тому времени в Петербург, безработный и почти отчаявшийся, по совету Чуковского обратился в детское издательство «Воробей». «Нужда у него была крайняя: по его словам, даже трамвайный билет стал для него почти недоступною роскошью», — вспоминал Корней Иванович. Житков встретился с Маршаком, создателем журнала, и всем вскоре стало ясно, что в литературу пришел человек подготовленный, с широкими знаниями. «Штурман дальнего плавания Житков», — представился он в редакции. Именно таких людей, бывалых, повидавших жизнь, искал Маршак. Планировалось создать большую литературу для маленьких читателей, чтобы увлечь их и привести к пониманию значимости науки, знаний, профессиональных умений.

За короткое время рассказы начинающего писателя (а все они основаны на случаях из его жизни) стали очень популярными. Писательство увлекало Житкова, это было похоже на освоение очередного ремесла. Действие в его рассказах разворачивалось стремительно, как сжатая пружина. Он ценил короткую фразу, без придаточных предложений и специальных терминов. Все должно быть понятно маленькому читателю. Никакой небрежности — это был его личный закон, да и знал он про рыб, животных, море и разные страны так много, что действие перед читателем разворачивалось как в кино: зримо и объемно. Иногда Житкову-моряку хотелось дать юным читателям достоверные, подробные описания типов парусных судов, морских обычаев, работы команды. Его небольшая повесть «Черные паруса», классическая пиратская история, замешанная

на исторических подробностях, полна цегольских морских словечек, которые автор с удовольствием растолковывал! Он мастерски описывал природную стихию, но в основном рассказывал о человеке, его самоотверженности, храбрости и умении принять решение в непростой ситуации. Лидия Чуковская отмечала, что особенно удались те произведения, в которых Житков ведет речь от первого лица: в них остро чувствуются единение героя и природы, сложные взаимоотношения людей.

Бориса Житкова считают детским писателем. Но взрослым стоит перечитать его рассказы, полные суровой морской правды. Ведь они о том, «что бывало», — неспроста один из его сборников так и называется. Только о пережитом им лично, так что все его творчество — длинные мемуары, написанные прекрасным, образным языком.

Житков пребывал в литературе всего 14 лет и словно бы спешил рассказать о том, что видел, торопился научить и ободрить начинающих. Да и себя подхлестнуть. А как иначе, ведь, как он говорил, «перед берегом стыдно!».

